

УДК 821.16

*Ю.Н. Серго***МОТИВЫ ПУТЕШЕСТВИЯ И БЕГСТВА В ПРОЗЕ СОВРЕМЕННЫХ
ЖЕНЩИН-ПИСАТЕЛЬНИЦ (О. ТОКАРЧУК, Л. УЛИЦКАЯ, Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ)**

В статье анализируются мотивы путешествия и бегства, которые довольно часто встречаются в современной женской прозе и предстают тесно связанными друг с другом. Очевидна также параллель мотива путешествия с самопознанием. В женской прозе она преподносится через мотив телесности. В творчестве современных писательниц эти мотивы функционируют по-разному: в текстах польской писательницы Ольги Токарчук путешествие и бегство функционируют как мотивы, определяющие мир и тело человека в их зеркальном отражении, что создает иллюзию отсутствия границ между внешним и внутренним мирами. В творчестве Людмилы Улицкой такой функцией наделен лишь мотив бегства, который проявляется при изображении внутреннего мира героев. Автобиографическое творчество Людмилы Петрушевской демонстрирует стратегию, при которой путешествие и бегство связаны с идеей творческого поиска и творческой независимости. Анализ устойчивых мотивов женской прозы позволяет сделать вывод об особом взгляде писательниц на проблему самопознания.

Ключевые слова: мотив, путешествие, бегство, О. Токарчук, Л. Улицкая, Л. Петрушевская.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-892-897

В современной женской прозе сложилась своя система мотивов, определяющих философскую и художественную целостность произведения. Довольно часто в ней звучит классический мотив путешествия, интерпретируемый по-новому, осложненный мотивом-спутником, воплощающим семантику бегства. Оба они легко вычлняются в текстах женской прозы, но при детальном рассмотрении оказываются наполнены разным содержанием.

Современное литературоведение уже давно проявляет интерес к анализу женского текста в плане рассмотрения в нем различных модификаций мотива путешествия. Например, о взаимодействии дискурсов путешествия и паломничества в произведениях Д. Рубиной писала Д.Д. Зиятдинова. Исследовательница отмечает, что важнейшей смысловой составляющей этих дискурсов является авторское восприятие живописных кодов, в частности, Эль Греко и Веласкеса. Д.Д. Зиятдинова утверждает, что функция живописных кодов в рамках путешествия-паломничества связана с самопознанием, внутренним движением к своим историческим и духовным корням, с обнаружением «своего» в чужой культуре [3]. О.А. Калинюшко рассматривает жанровые модификации травелога в романе О. Токарчук «Бегуны», связывая путешествие с новым представлением о познании и трансформацией в современной постмодернистской реальности сюжета паломничества в сюжет туризма. [4].

Целью данной статьи является рассмотрение разных вариантов воплощения мотивов путешествия и бегства в современной женской прозе в соотношении с идеей самопознания. Для анализа взят материал текстов писательниц из разных стран: польского автора-нобелевского лауреата Ольги Токарчук и русских авторов Людмилы Улицкой и Людмилы Петрушевской.

Заметим, что целостность, заявленная через систему мотивов, на наш взгляд, проявляется как общий принцип творчества О. Токарчук. Одним из основных мотивов, на котором строится ее система, является мотив тела. Интерес к телу свойственен современной женской прозе. В книге «Дом дневной – дом ночной», начиная с эпиграфа, звучит идея «телесности» мира: «Твой дом – твое большое тело, растет на солнце, спит в ночи. Порою ему снятся сны. Разве твой дом не засыпает, чтобы, покинув город, унести к вершинам гор, к далеким рощам? (Халил Джигран) [6. С. 2]. По сути, структура книги воспроизводит важнейшие для тела состояния, границу между которыми оно особенно явно ощущает и которые в гендерной философии соотносятся с традиционными оппозициями мужского и женского: день-ночь, свет-тьма, явь-сон, жизнь-смерть.

В романе «Бегуны» параллель телу составляет уже не дом, а целый мир. Э. Худоба обращает внимание на ряд уровней текста, которые создают целостную картину мира в произведении [9]. В первую очередь, это слово повествователя (повествовательницы), в котором звучит идея универсального путешествия-познания во времени и пространстве. Повествовательница рассказывает нам о собственном опыте

перелетов, путешествий из страны в страну, опыте, который есть почти у каждого современного человека, и об опыте путешествия по человеческому телу, вернее, об истории развития анатомического знания.

Сам образ героини-повествовательницы в романе связан с мотивом путешествия, взаимосвязанным с мотивом телесности. Она определяет себя и свое тело через качества, присущие механизмам, и через категории выносливости, удобства, привычки к путешествию: «Мою энергию порождает движение. Тряска автобусов, рокот самолетов, покачивание паромов и поездов. (...) Я удобна, невелика, компактна и хорошо оснащена. У меня маленький, нетребовательный желудок, сильные легкие, крепкий живот и сильные мышцы рук» [6. С. 10]

Кроме того, автор обращается к сюжету путешествия, потому что, по ее версии, он связан с проблемами внутреннего мира, психологическими проблемами жизни современного человека. Загадочное исчезновение на несколько дней жены и сына Куницкого во время отпуска в Хорватии, случайная смерть профессора на борту крупного лайнера, побег в открытое море на пароме моряка-эмигранта, побег из родного дома в Москве некой Аннушки – все это сюжеты путешествий, хранящих в себе тайну глубокого потрясения, загадочного изменения внутреннего мира героя.

В соответствии с «женскими», гендерными взглядами идея познания большого мира соотносится с познанием тайн человеческого тела. Обе эти идеи объединяются в конце книги, в своеобразном «списке литературы», который предстает как список анатомических музеев в разных странах: Голландии, Германии, России, Латвии, Австрии, США. Тело является отправной точкой, основой авторского путешествия.

Помимо мотивов движения, путешествия, исследования, здесь конечно же, определяющим является мотив бегства, совершаемого различными героями по различным причинам: страх, временное помутнение рассудка, сумасшествие, обида. Главная же причина бегства – стремление к обретению своей подлинной сущности, освобождение от стереотипов, навязываемых человеческим миром. Бегство как переход некой границы в собственной душе – вневременной мотив мировой литературы. Для женщины, традиционно ограниченной в своем поведении системой различных запретов, особенно привлекательной становится идея побега от заданной сущности. Ольга Токарчук выстраивает часть повествования в романе «Бегуны» как систему рассказов о таких побегах: Шарлотта в Голландии 17 века мечтает о том, как, переодевшись в мужскую одежду, отправится в качестве матроса в море. Москвичка Аннушка на короткий период времени сбегает из дома, совершая бесконечное круговое путешествие по ветке московского метро. Вырываясь из круга повседневных забот и несчастий, она словно очерчивает вокруг себя некий защитный обруч, который скрывает ее от собственного горя (мотив спасительного круга, дающего психологическую защиту, оказывается важным и для идей бегства в прозе Л. Улицкой, о чем скажем несколько позже). Бесследно пропадает на некоторое время в Хорватии жена Куницкого, жена профессора Карен воображает, как бы она могла совершить побег: «Она подумала, что могла бы оставить мужа, терзавшего дрожащей вилкой бледное рыбье тело, прихватить свою рецину и естественно, словно пушинка одуванчика, опуститься на стул рядом с ними, поддержав последние аккорды смеха своим матовым альтом» [6. С. 367] Интересно, что женский побег у Токарчук предстает либо несостоявшимся, либо влечет за собой скорое добровольное возвращение. Мужчина у Токарчук убегает навсегда, и останавливают его только силы, пришедшие извне, как, например, моряка-эмигранта, который направил свой паром в открытое море, останавливают полицейские. Старый профессор, в глазах которого жена на прощанье читает фразу: «поймай меня!» навсегда убегает в смерть. Женщина останавливается в своем замысле или возвращается добровольно. Сам по себе мотив побега переплетается с образом бога случая Кайросом, второстепенным богом Греческой мифологии, который в романе Токарчук становится главным богом, богом судьбы, богом авторского сюжета.

Сходную трактовку женского побега мы можем встретить в прозе Л. Улицкой: бежит из дому оскорбленная изменой мужа Медея (роман «Медея и ее дети»), но опыт побега-путешествия приводит ее в конце концов к прощению, и она возвращается. Бежит от реальности в книжный мир Сонечка, героиня одноименной повести, уходит в безумие и возвращается из него героиня маленькой дилогии «Чужие дети» Маргарита. Рассказ «Чужие дети» представляет нам ситуацию рождения близнецов, увлекающую за собой разрушение семьи: отец отказывается верить, что это его дети, обвиняя жену в измене. Сознание женщины не в силах этого перенести, и она сходит с ума. Не будучи виноватой, она начинает оправдываться перед мужем в своем воображении, выстраивая речь по кольцевой композиции: «...мы так любили друг друга, ты так хотел ребенка, я родила тебе сразу двоих, а ты говоришь, что это не твои дети, но я ни в чем не виновата перед тобой, как же ты можешь мне не верить, ведь мы

так любили друг друга, ты так хотел ребенка, я родила тебе сразу двоих...» [7. С. 132] Транслируя речь героини, безличный повествователь ориентируется на фольклорно-мифологическую традицию, в которой цикличность, замкнутость является основой защиты от внешнего мира, хаоса. «Зациклившись», закрывшись от мира словом, героиня оказывается вне времени и пространства. Воображаемая реальность дарит женщине возможность противостояния дискурсу вины, который ей как существу родовому навязывается извне. Таким образом, героиня Улицкой, как и героиня Токарчук, выбирая свою стратегию бегства от реальности, стремится отгородиться от окружающих с помощью круга, демонстрируя мифологическое мышление.

Важнейшая проблема женской прозы – соотношение духовного и телесного. Взаимодействие этих двух начал зачастую переводится авторами-женщинами в специфическую плоскость научного познания, которое само по себе становится одним из сюжетов, одной из тем художественного текста. В романе О. Токарчук это сюжеты, связанные с изучением человеческого тела и наукой пластикации, бальзамирования. Параллельно в романе предстают сюжеты о женском теле как объекте исследования (профессор Рюйш проводит публичное вскрытие итальянской проститутки), а душа дочери профессора, в свою очередь, предстает как объект исследования автора. Эта параллель преподносит процесс писания романа и бальзамирования как сходные действия: письмо «бальзамирует» жизнь души. «Телесность» письма и тесную связь внутренней жизни человека с физиологией демонстрирует и творчество Л. Улицкой. Авторское слово в творчестве Л. Улицкой стремится к объективности, отстраненности, для чего в описании событий и внутренней жизни героев иногда используются научные термины из области биологии и медицины. Любовь и творчество субъект речи объясняет через схему молекулы ДНК: «...соединение всех свободных валентностей, чтобы не торчали куда не следует» [8. С. 416].

Таким образом, система мотивов, традиционно понимаемых как гендерные, выстраивает разрозненные, на первый взгляд, новеллы в романную структуру, объединенную мотивом вечной жизни-путешествия-исследования человеческого тела и души. Логика традиционного романного сюжета у Токарчук оказывается нарушена, он устремлен в бесконечность, потому что процесс познания-путешествия незавершен, а конфликт души и тела не так важен для данного автора. Этот конфликт зачастую не имеет разрешения: так, например, загадка фантомной боли, которую испытывает великий ученый-анатом 17 века Филипп Ферейен, так и осталась тайной, Куницкий не узнал, что случилось с его женой, что именно вынудило ее на побег. Мучения Куницкого по поводу невозможности разгадать загадку исчезновения жены сродни фантомной боли Ферейена. Так в романе выстраивается бесконечное количество параллелей в картине мира разных героев, но параллельные прямые не пересекаются. Такова парадоксальная целостность романа О. Токарчук.

В романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» описан мотив путешествия во времени и пространстве. Роман также построен как сборник новелл и рассказов, которые расположены с нарушением хронологической последовательности: например, сначала мы узнаем о смерти главных героев, а затем перед нами разворачиваются фрагменты их судьбы на фоне истории 1960-х гг. Сама по себе логика авторского сюжета построена по своеобразной модели путешествия в прошлое. Кроме того, одним из важнейших событий, связывающих и разрушающих судьбы героев, является сюжет путешествия в Коктебель. Путешествие в данном случае рассматривается и как бегство из столицы в «Глухую провинцию, у моря»: «Миха с Эдиком всю дорогу обсуждали природу советской власти, которая, по мнению Миши, на периферии была слабее, чем в центре, да и почеловечнее» [8. С. 460], и как поиск духовных корней, живой связи с серебряным веком, «восстановление прерванной цепи культуры». Последний смысл раскрывается в эпизоде встречи с вдовой М. Волошина, в упоминании о вдове Грина, о «пушкинском следе» в Крыму. Таким образом, мотив путешествия-бегства у Людмилы Улицкой предстает в системе координат, во многом заданных И. Бродским.

Мотивы бегства и путешествия по разным причинам оказываются значимыми для польской и русской писательниц, они определяют ценностное наполнение судьбы героев, символически подчеркивают связь жизни тела и духа через движение в пространстве и времени. Другим вариантом путешествия в прозе Л. Улицкой является эмиграция как бегство от духовной и физической несвободы. Но если в романе русской писательницы такое бегство оценивается героями как реальное и эффективное, то в прозе Токарчук пересечение государственных границ не столь значимо, поскольку герои ее прозы бегут не из одного пространства в другое, а в никуда. Г.Ю. Завгородняя в статье, посвященной единому комплексу смыслов дома, космоса и тела в прозе О. Токарчук, убедительно показывает, что автор тесно связывает тело с понятием дома, дворца, храма. Бегство, таким образом, в данной системе коор-

динат, означает уход от самого себя [2]. Исследователи творчества О. Токарчук неоднократно отмечали влияние мифологии на ее художественное мышление, в том числе и в аспекте, связанном с преодолением страха смерти [1; 2] Рассматривая путешествие души и тела в мифологическом аспекте, автор придает гораздо меньшее значение внешним границам мира.

В прозе Л. Петрушевской также очень распространен и мотив странствия души, который порождает многочисленные мистические, сновидческие рассказы, представленные, например, в сборнике «Где я была», «В садах других возможностей» и мн. др. Совершенно отдельного разговора, связанного с мотивом странствия и переселения душ, заслуживает роман Л. Петрушевской «Номер один, или в садах других возможностей».

Несколько отличную от него логику демонстрирует Л. Петрушевская в своей автобиографической книге эссе, очерков и рассказов «Маленькая девочка из Метрополя». Здесь путешествие, странствие, бегство тесно связаны с творческими поисками и самоопределением. Именно в этом ключе строится эссе «В сторону Манна», где представлен в расширенном авторском толковании жанр жизни–пути–путешествия: по «рабочим местам», городам, и как продолжение темы всей книги – формам творчества. Движение мысли как аналог физического путешествия автора в пространстве, связанное с творческими установками Т. Манна и М. Пруста, дает логическое обоснование соотношению жанра филологических размышлений и автобиографического эссе.

Мотивы путешествия-бегства свойственны различным типам текста Л. Петрушевской. В рассказах («Тайна дома», «Новые робинзоны» и др.) мотив путешествия-бегства связан с духовной катастрофой, переживаемой героем. Внешний мир при этом может выглядеть по-разному: в точности соответствовать внутреннему состоянию героя («Новые робинзоны») или выглядеть идиллически («Тайна дома»).

Повествование, связанное с личной биографией автора («Девятый том», «Маленькая девочка из Метрополя»), всегда включает в себя вышеуказанные мотивы, которые дополняются еще и мотивом бездомности: воспоминания об эвакуации, бегстве матери героини из эвакуации в Москву, в институт, бегстве маленькой героини-рассказчицы из временного пристанища, из семьи на улицу; многочисленные путешествия-бегства по стране в молодости (целина, Прибалтика, командировки от журнала «Кругозор» и т. д.)

Мотив бегства в прозе Л. Петрушевской предстает и как часть пути героини к самопознанию и самоопределению. Именно так оценен рассказчицей побег ее матери из куйбышевской эвакуации в книге «Маленькая девочка из «Метрополя»: «Она уехала случайно, в одном сарафане, машинисты ее взяли на паровоз, т.к. билетов в Москву не было. Она простояла много суток на паровозе. В кабине ехать запрещалось. С собой из вещей у нее был только кувшин с постным маслом, которое она, видимо, достала по карточкам, выстояв в очереди, и зарплата, ее она отдала машинисту. Скорее всего, события развивались так: по дороге домой, идя с кувшином масла, она завернула, как всегда, безо всякой надежды на вокзал, посмотреть (как всегда) на московский поезд под парами, подошла к паровозу, как обычно попросилась, протянула деньги, и ее неожиданно взяли. А времени идти домой уже не было. Да, я думаю, она и боялась возвращаться.

И я не знаю, был ли это товарняк или пассажирский поезд. Товарняк мог идти и неделю...

Но она очень трезво смотрела вперед и не видела там для нас с ней никаких перспектив. Работать в Куйбышеве на заводе в тарном цехе? На всю жизнь остаться без диплома?» [5. С. 53]. Здесь, несмотря на воспроизведенную спонтанность и даже некоторую абсурдность ситуации, бегству придается совершенно конкретный смысл – оно совершается во имя будущего героини и ее дочери. В самом оправдании этого эпизода дочерью-рассказчицей заложено утверждение осмысленности и необходимости побега как такового.

Разным типам прозы писательницы свойственно единое мироотношение, базирующееся на общей системе мотивов, включающих в себя путешествие, побег, самоутверждение и самопознание. В художественно-биографическом повествовании угадываются сюжеты многих рассказов писательницы («Сирота», «Стакан воды» и других). Творческий процесс выстраивает жизнь как путешествие в неизвестность: уход-бегство с работы в никуда, служба в журнале, вольная писательская жизнь без единой напечатанной книги, а также путешествие автостопом, «дикарем», по Прибалтике (в поисках дома Т. Манна), переход («возвращение») из прозы в очерк [5. С. 232]. Мотив путешествия-бегства в системе координат прозы Л. Петрушевской имеет четко выраженную идею соединения двух биографий: личной и творческой. В этом плане тоже просматривается некая «женская» стратегия телесности, когда плоды творчества становятся продолжением тела писателя.

Автор «путешествует» во внехудожественные жанры – «этнографические записки» («Русский турецкий словарь»), «материалы для адвоката» («Вермут итальяно, называется «Чинзано»»), примеряя на себя опыт, судьбу, позиции разных субъектов. «Конкретность» границ и пространств для Петрушевской тоже не столь значима: например, в эссе «Ляплянтя» рисуется некий собирательный портрет страны Северной Европы. Внутреннее пространство, уход в себя – единственная возможность бегства от внешнего мира, и оно же является самым значимым в духовном плане путешествием.

Итак, функционирование мотивов путешествия и бегства в прозе современных писательниц тесно связано с идеей самопознания, пути которого в женской прозе могут быть различны: самопознание может быть связано как с путешествием по собственному телу-микрокосму и попыткой побега от собственной сущности, так и со странствиями души, не придающей значения условностям времени и пространства. Мотивы путешествия и побега в женской прозе изменяют привычный образ мира и авторские взаимоотношения с ним.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адельгейм И.Е. «Мы все умрем и должны к этому подготовиться...» Страх смерти и художественная автотерапия в польской прозе 2000-х годов // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 292-306.
2. Завгородняя Г.Ю. Дом – космос – тело: мифопоэтика славянской прозы 1990-х гг. (О. Токарчук и Г. Петрович) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 185–197.
3. Зиятдинова Д. Испания как нация-двойник в построссийском творчестве Д. Рубиной // «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты» 2015, № 20, с. 92-99
4. Калинюшко О.А. Жанровые модификации травелога в романе Ольги Токарчук «Бегуны» // Молодий вчений. 2014. № 6-2 (09). С. 88-92.
5. Петрушевская Л. Маленькая девочка из «Метрополя»: повести, рассказы, эссе. СПб.: Амфора. ТИД Амфора. 2006. 464 с.
6. Токарчук О. Бегуны. М. 2018. 384 с.
7. Улицкая Л. Бедные, злые, любимые. М. 2003. 358 с.
8. Улицкая Л. Зеленый шатер. М. 2011. 592 с.
9. Худоба Э. 2010, Жизнь как путешествие // Токарчук О. Бегуны. М., 2010. С. 5-7.

Поступила в редакцию 02.06.2020

Серго Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: julsergo42@gmail.com

Yu.N. Sergo

THE MOTIVES OF TRAVEL AND ESCAPE IN THE PROSE OF MODERN WOMEN-WRITERS (O. TOKARCHUK, L. ULITSKAYA, L. PETRUSHEVSKAYA)

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-892-897

The article analyzes the motives of travel and escape, which are pretty common in modern women prose and appears closely related to each other. The connection between travel and self-knowledge is also obvious. In female prose, it is presented through the motive of physicality. In the works of modern writers, these motives work differently: in the texts of the Polish writer Olga Tokarchuk, travel and escape function as motives that define the world and the human body in their mirror image, which creates the illusion of the absence of borders between the external and internal worlds. In the work of Lyudmila Ulitskaya, such a function is endowed with only a flight motive, which manifests itself in the image of the inner world of heroes. The autobiographical work of Lyudmila Petrushevskaya demonstrates a strategy in which travel and escape are associated with the idea of creative search and creative independence. The analysis of the sustainable motives of female prose allows us to conclude that the writers have their special view on the problem of self-knowledge.

Keywords: motive, travel, flight, O. Tokarchuk, L. Ulitskaya, L. Petrushevskaya.

REFERENCES

1. Adelgeym I.E. “My vse umrem i dolzhny k etomu podgotovitsya...” Strakh smerti i khudozhestvennaya avtopsikhoterapiya v polskoy proze 2000-kh godov [“We will all die and must prepare for this ...” Fear of death and artistic auto-psychotherapy in Polish prose of the 2000s] // Slavyanskiy almanakh. 2016. № 1-2. S. 292-306. (In Russian).
2. Zavgorodnyaya G.Yu. Dom – kosmos – telo: mifopoetika slavyanskoy prozy 1990-kh gg. (O. Tokarchuk i G. Petrovich) [Home – space – body: mythopoetics of Slavic prose of the 1990s. (O. Tokarchuk and G. Petrovich)] // Vestnik slavyanskikh kultur. 2018. T. 49. S. 185–197. (In Russian).
3. Ziyatdinova D. Ispaniya kak natsiya-dvoynik v postrossiyskom tvorchestve D. Rubinoy. [Spain as a double nation in the post-Russian work of D. Rubina] // “Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty” 2015. № 20. S. 92-99. (In Russian).
4. Kalinyushko O.A. Zhanrovyye modifikatsii traveloga v romane Olgi Tokarchuk “Beguny” [Genre modifications of the travelogue in Olga Tokarchuk's novel “Runners”] // Molodiy vcheniy. 2014. № 6-2 (09). S. 88-92. (In Russian).
5. Petrushevskaya L. Malenkaya devochka iz “Metropolya”: Povesti. Rasskazy. Esse. [Little girl from Metropol: novels, short stories, essays.] SPb.: Amfora. TID Amfora. 2006. 464 s. (In Russian).
6. Tokarchuk O. Beguny. [Flights] Moskva. 2018. 384 s. (In Russian).
7. Ulitskaya L. Bednyye. zlyye. lyubimyye. [Poor, evil, beloved.] M. 2003. 358 s. (In Russian).
8. Ulitskaya L. Zelenyy shater. [Green tent.] Moskva. 2011. 592 s. (In Russian).
9. Khudoba E. 2010. Zhizn kak puteshestviye [Life is like a journey] // Tokarchuk O. Beguny. Moskva. 2010. S. 5-7. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.06.2020

Sergo Yu.N., Candidate of Philology, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: julsergo42@gmail.com